

The image shows a serene sunset scene over a large body of water. The sun is a bright, glowing orb in the center of the sky, casting a shimmering path of light across the water's surface. In the foreground, a white, ornate balustrade with decorative balusters runs across the bottom half of the frame. To the left, a tall street lamp with two spherical globe lights stands near a dark, leafy tree. In the distance, a range of low mountains or hills is visible under the orange and yellow sky. A small boat is seen on the water to the right.

Феликс Светин

**Курортная
драма, или Злые
деньги**

Феликс Анатольевич Светин

Курортная драма, или Злые деньги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69210700

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть "Курортная драма, или злые деньги" отправляет читателя в самое начало лета 1982 года в город-курорт Геленджик. Где в это самое время бесследно исчез руководитель города Николай Погодин. Это таинственное событие и стало основой сюжета повести. Автор позволил себе почти в детективном ключе соединить в тексте абсолютно реальные исторические фигуры и факты с полностью вымышленными персонажами и их действиями. Тем самым представив собственную версию курортной драмы лета 1982 г.

Феликс Светин

Курортная драма, или Злые деньги

Глава 1. Смотрины

Тихий вечер только вчера начавшегося лета плавно ложился на город-курорт Геленджик. По набережной со стороны Тонкого мыса в направлении центра прогулочным шагом шел не молодой, но весьма импозантный человек. Человека звали Дмитрием Петровичем Смирновым, он был полковник КГБ, или, как он любил говорить, госбезопасности, в отставке, и направлялся он в этот чудесный благостный вечер в ресторан.

Полковник Смирнов переехал жить в город-курорт из столицы относительно недавно, лет шесть назад. Жена умерла, дочери выросли, со службы достойно проводили на заслуженный отдых.

Долго думать, где встретить старость, не пришлось. Где-то лет десять назад дали путевку в Геленджик, поехали всей семьей – жена, две дочери, последний раз вместе... Город понравился всей семье: ухоженный, чистый, красивая бухта и много еще чего.

И тогда у Дмитрия Петровича родилась идея после выхода в отставку переехать сюда к теплому морю, к невысоким

горам Маркотхского хребта, к Пицундским соснам на постоянное место жительства. В самом конце той поездки ходил Петрович в горком партии и в исполком, поговорил с кем надо, а через полгода домой ему позвонили и сказали, что его ждет небольшой домик, но с выходом к морю и чудесным видом на город, особенно по вечерам.

Неожиданно и нежданно умерла жена Мария Федоровна, инфаркт, не суждено было ей стать хозяйкой дома у Черного моря. Смирнов в дни похорон сам чуть было не отошел в мир иной: все же тридцать пять лет вдвоем, дочери родились, было всякое, но не было ни единой мысли, что когда-нибудь они перестанут жить вместе. А тут он ушел в магазин, и жена умерла, так до ужаса просто, и ничто не предвещало такой беды. На похоронах полковник много плакал и пил и после похорон еще дней двадцать пил страшно, потом пришел в себя, на сорок дней пригласил дочерей и заявил, что уезжает в Геленджик. Квартиру, машину, дачу оставляет и ждет дочерей с семьями в любое время у себя на Тонком мысе. Через неделю Петрович уже плавал в бухте Геленджика рядом со своим домом.

Зажил Дмитрий Петрович на славу! Сам себе хозяин, полковничья пенсия 300 рублей, накопления на сберегательной книжке. Дом добротный и уютный, занялся садоводством, вино домашнее научился делать, лучше, чем местные. Продукты: мясо, овощи, фрукты только с рынка, рыба только из моря. А воздух какой!

Летом приезжали его дочери с мужьями и детьми, места хватало всем. И тут Петрович, успев сильно соскучиться, был лучшим в мире отцом, дедом, тестем. Взрослых угощал вином и шашлыком, водил по ресторанам, всячески развлекал, а дети у дедушки Димы питались только эскимо и газированной водой с сиропом.

В начале прошлого лета Петрович купил по хорошей цене не новый, но вполне себе исправный белый катер. Неделю провозившись с бывшим хозяином, по наладке и навыкам управления катером Смирнов стал почти заправским моряком. Он очень полюбил катер и приходил в полный восторг, когда лихо разрезал волны Геленджикской бухты острым, как нож, носом своей игрушки. Петрович даже построил для него на своем участке с выходом к морю удобный сарай-гараж для хранения, ремонта и обслуживания. Весь прошлый приезд с огромным удовольствием он катал на катере своих родных, показывая им поистине удивительные места в окрестностях Геленджика.

В свои шестьдесят семь лет Дмитрий Петрович выглядит прекрасно: не толстый и не худой, густые каштановые волосы с проседью, шрам на лице – напоминание о бурной молодости – практически уже не виден, зато видна хорошо сохранившаяся армейская выправка. Да и вообще здоровье Дмитрия Петровича в его возрасте прекрасное, зрение, слух, давление и прочие показатели все в норме. Он много лет ежедневно делает зарядку, раз пятнадцать-двадцать отжимается

от пола на кулаках, жмет пудовые гири и обязательно с апреля по конец октября утром и вечером плавает в море. Исключение в своем графике здорового образа жизни Петрович делает, когда хочет отдохнуть душой – так он называет желание изрядно напиться, водится за ним подобное.

На день Советской Армии и на День Победы Дмитрия Петровича всегда приглашают в школы города и района рассказать о своем славном боевом прошлом. Дмитрий Петрович с удовольствием принимает приглашение одевает форменную фуражку и свой парадный мундир полковника КГБ, на котором медали – «За отвагу», «За боевые заслуги», два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны первой степени и еще много разных медалей и знаков. Надо сказать, что все награды Дмитрий Петрович получил честно, но как – рассказать детям нельзя: это государственная тайна!

Поэтому Петрович придумывает разные военные байки или серьезные истории и от души их рассказывает. Готовится всегда долго и кропотливо, даже репетируя порой по настроению перед зеркалом, поэтому и слушают его, раскрыв рты, и дети и учителя. В эти моменты он счастлив почти так же, когда проезжают к нему его родные.

Однако не все в жизни полковника так хорошо, как кажется окружающим. С возрастом он отчетливо стал осознавать, что в жизни сделал мало хорошего и принес очень много горя, разным и подчас совсем не виновным людям. И ладно бы если за дело, многим он сломал жизнь, а некоторых лишил

жизни – просто так – потому что имел на то права и возможности.

После выхода в отставку ему не позвонили и не написали с бывшей службы ни одного раза и никуда не пригласили. Не поздравили ни одного раза ни с одним праздником.

Он как может отгоняет от себя мысли, что так бывает со всеми бывшими чекистами, но потом вспоминает, каким он был жестоким, беспринципным и беспощадным сотрудником органов, что сразу приходит осознание того, что нет, с его уходом всем стало значительно лучше, и о нем просто-напросто хотят все забыть.

У Дмитрия Петровича за всю его большую и непростую жизнь не было друзей! Ни в школе, ни в армии, ни на службе, да, были сослуживцы, приятели, знакомые и, наконец, собутыльники – не более того. Петрович все чаще оглядывался на свою прожитую жизнь и с ужасом стал понимать: случись с ним что-нибудь – ему бы никто не помог бы, потому что он сам никогда никому не помогал. Он часто спрашивает себя: зачем нужно было так жить?

Да и дочери, наверное, не сильно его любят, просто пользуются им, вернее, его оставшимися связями, возможностями и деньгами. Эти мысли Петровича просто сводят с ума – а за что им его любить, ни разу он не сказал им доброго и ласкового слова, не поинтересовался их учебной, жизнью, успехами и неудачами. Странно, как они еще выросли и создали свои семьи, постоянно задает себе подобные вопросы

полковник Смирнов. Да и жена ушла в мир иной не случайно так рано и так быстро, что только ей пришлось пережить – пьянство, скандалы, измены.

Еще сны стали сниться просто ужасные. В них Дмитрия Петровича каждую ночь преследуют, настигают, сажают в тюрьму, жестоко пытаются и, наконец, расстреливают, он, конечно, пытается убежать, но ничего не выходит. И что самое главное, каждую ночь повторяется этот сон, а преследователи в нем всегда разные. Петрович порой оказывается на полу, поднимается, ложится снова в кровать и уже не спит до утра.

Вот и сегодня под утро Дмитрию Петровичу совсем стало не по себе. Опять во сне его ловили, сажали, пытали и, наконец, расстреляли, но сегодня особенно жестоко и остервенело. Проснувшись в холодном поту, посмотрев на часы и календарь сам от себя не ожидая как будто от давней и очень сильной боли зарыдал:

– Зачем, зачем мы это делали, а того веселого красивого парня зачем в затылок как пса бешеного? О Господи, как я жизнь прожил! Люди строили, лечили, учили, а я что делал? Бил, калечил, убивал, улики подбрасывал, протоколы подменял. Родиной прикрывался! Нет! Просто нравилось, просто привык, просто уже не мог по-другому!!! – отчаянно рыдал Петрович.

Все проходит, прошел и этот моральный кризис, настало чудесное утро. «Надо отдых душе сегодня дать», – твердо ре-

шил Петрович. День прошел в незамысловатых пенсионных делах. К вечеру искупавшись в нагретом море, приняв душ, надев светлый югославский костюм и белую сорочку с коротким рукавом, освежившись любимым «Шипром», положив в бумажник пять десятирублевков, товарищ полковник отправился в ресторан «Геленджик», или по-старому «Маяк».

В ресторане его никто не ждал, и он сам ждать кого-либо и встречаться с кем-либо там не собирался, просто у Дмитрия Петровича была традиция уже много лет: все мало-мальски важные события в жизни он отмечал в ресторанах, и чаще всего один. Вот и сегодня у него был повод оставить рублей десять или пятнадцать в одном из заведений общепита Геленджика под аккомпанемент советской и иностранной эстрады – душе нужен отдых. Как же мало людей на земле знали о том, за что или почему сейчас полковник Смирнов опрокинет добрых 7–8 рюмок холодной водки, так он думал...

Зайдя в ресторан, он присел к столику у окна. Мест было, однако, предостаточно, сезон отпусков еще не начался, а местные считали этот ресторан сильно дорогим и вычурным.

Петрович зато обожал этот ресторан и это время, а вернее, этот ресторан в это время, здесь было чисто, уютно, вкусно, и, самое главное, все посетители были людьми не простыми, он чувствовал, находясь здесь, некую принадлежность к элите, пусть и небольшого города-курорта.

К нему туже подошел официант.

– Здравствуйте, Дмитрий Петрович, рады видеть! – с за-

метно натянутой улыбкой поздоровался холеный сотрудник ресторана.

– Привет, Костя! А что с лицом?! Что случилось?! – искренне спросил видевший любого человека насквозь Петрович.

– Вчера Беллу Наумовну арестовали, – шепотом на ухо сказал расстроенный Константин.

– Да уж. Беда! Сегодня на качестве ваших блюд это не отразится? – сыронизировал полковник.

– Обижаете, Дмитрий Петрович! Как обычно?

– Как обычно, родной!

Обычно для Дмитрия Петровича было грамм пятьсот водки для начала, два-три бутерброда с черной икрой, салат «Столичный», графин холодного морса и, главное, две порции шашлыка из баранины и свинины с маринованным луком и соусом ткемали. Смирнов очень любил хорошенько выпить и закусить!

Константин мгновенно скрылся в недрах ресторана. На эстраду стали подниматься музыканты и расчехлять инструменты. Дмитрию Петровичу вновь стало не по себе. Однако, пересилив себя, он стал обдумывать новость, которую ему сообщил Константин. Арестовали БERTУ Бородкину, всесильную начальницу всех ресторанов и кафе Геленджика, человека с колоссальными связями и возможностями – вот это да!!! Петрович не знал ее лично, но знал о ней многое.

Берта Наумовна Бородкина (урожденная Король) появилась на свет в 1927 году в украинской Белой Церкви. Ходили слухи, что во время Великой Отечественной войны она, еще подросток, стала любовницей румынского партизана и работала на немцев, однако подтверждения этому никто так и не нашел. Вплоть до своей смерти она будет представляться Беллой, а фамилию сменит неоднократно – у статной женщины с горящими глазами было четверо официальных мужей.

В 1951 году Берта переехала из Одессы в Геленджик и очень скоро вышла замуж за отставного генерала Бородкина. Семейное счастье было недолгим: новоиспеченный супруг скончался от алкоголизма и оставил в наследство жене неплохое поместье. Берта-Белла, которая уже работала официанткой в местном ресторане (образование, даже среднее, она так и не получила из-за войны), мужа оплакивала недолго. Женщина со сложным характером штурмовала одну карьерную высоту за другой и в 1974-м стала начальником треста ресторанов и столовых Геленджика.

Все важные чиновники отправлялись отобедать именно к Берте, а уж она умела обслужить важных гостей по высшему разряду. Откуда в советском Геленджике вообще могло быть обслуживание «на уровне», ведь во всей стране был дефицит? Ответ прост: Берта нещадно обвешивала других клиентов – обычных посетителей ее заведений, приехавших на отдых, их она назвала «крысами».

Она знала, как сделать так, чтобы клиент не заметил недолив и недовес, предлагала посетителям котлеты, в которых почти не было мяса, разбавляла коньяк чаем и дешевой водкой, а сметану и молоко – водой.

Иногда Бородкина, правда, чихвостила своих подчиненных и говорила им, что и о людях тоже нужно заботиться. Мол, сметану разбавлять необходимо только кипяченой водой – чтобы не было инфекций.

Все сэкономленные на таком обмане деньги Берта требовала отдавать ей. Часть она оставляла себе, а на оставшиеся устраивала высшим чинам приемы, молва о которых переходила из уст в уста. Подчиненные прозвали Берту Железной Беллой, поскольку за непослушание она угрожала перевести их работать в «партийную» столовую, где обвесить (следовательно, и заработать) было просто невозможно.

Бородкина не скупилась на угощение для вышестоящих начальников, а также баловала их другими развлечениями – например, устраивала им гонки на катерах, приятный вечер в бане с девушками не самого тяжелого поведения и просто давала взятки.

Берта была уверена: это делает ее совершенно неуязвимой для правосудия. Тем более что в ее заведения никогда не приходили с внеплановыми проверками. Однако она ошибалась.

Красавец Константин принес все, кроме шашлыка.

– Приятного аппетита, Дмитрий Петрович! Шашлычок

будет позже, тепленький, все как вы любите, еще раз приятного аппетита! – пожелал, наливая холодную водку в хрустальную рюмку, услужливый Константин.

– Спасибо, родной! – протягивая две десятирублевки, сказал Петрович. – Пятерочку обратно!

– Благодарю! Сейчас принесу, – вновь испарился Константин.

Дмитрий Петрович всегда рассчитывался в знакомых ресторанах заранее. Почему? Да он и сам, наверное, не знал.

Музыканты на эстраде очень неплохо стали исполнять «Я в весеннем лесу» Дмитрий Петрович любил эту песню, любил фильм «Ошибка резидента», в котором она блистательно звучала. «Как кстати ребята заиграли», – подумал Петрович и налил себе вторую рюмку, которую с удовольствием выпил, закусив бутербродом с икрой. По телу начало распространяться приятное тепло, и на душе похорошело.

В этот момент к столу Смирнова подошел высокий, статный загорелый человек лет тридцати, он был одет в модные джинсы и такую же модную белую летнюю рубашку с тремя пуговицами на вороте. В радиусе нескольких метров от него пахло чем-то дорогим и импортным. Внешне человек выглядел более чем презентабельно.

Сегодня в девять утра этому модно одетому человеку в управлении КГБ по Краснодарскому краю дали всю информацию, которая там была собрана на полковника Смирнова. Получив в руки увесистую папку, не теряя драгоценного вре-

мени, он сел в свою светло-бежевую «шестерку» и отправился в Геленджик, где остановился на одной из явочных квартир. Там он в течение нескольких часов очень внимательно изучал материалы находившееся в папке. Туда полчаса назад позвонил официант Константин, сказав в трубку лишь одну фразу: «Он на месте!».

– Можно? – вежливо спросил незнакомец.

– Занято! – как всегда в подобных случаях, грубо ответил Смирнов.

– Что празднуешь? – нахально спросил молодой человек.

– Тебе знать это не положено!!! – лицо Петровича от подобного наглого обращения стало багровым.

– Откуда ты знаешь, что мне положено, а что нет? А хочешь, угадаю, что ты тут делаешь? Ты не празднуешь – ты поминаешь тех, кого ровно двадцать лет назад в Новочеркасске по приказу Хруща-Кукурузника ни за что ни про что в расход пустил! – спокойно, но как-то по-злому произнес человек в модной рубашке.

– Чего? Да я... – от волнения, неожиданности и выпитой водки у Смирнова закончились слова и начал заканчиваться воздух. Он почти завыл и нервно замахал руками во все стороны. Он давно ждал чего-то подобного, но уж не сегодня и тем более не от такого молодого нахала.

– Успокойся, полковник! Мне по барабану все твои художества – дело прошлое! Я из той же конторы, откуда и ты, а детали тебе пока знать действительно не положено. Угости

лучше, разговор есть, – просто, как давнему знакомому, сказал парень.

Смирнов сразу понял, что этот парень, мягко говоря, не простой и здесь он не просто так. Привычным жестом позвал официанта.

– Костя, обновить! Ему что мне, грамм пятьсот и быстрее! – так же привычно распорядился Дмитрий Петрович.

– Вот другое дело! А то занято! Молодец! Все понял! Школа!.. – не переставал притворно восхищаться молодой.

На столе заблестела новая посуда. Появилась ароматная закуска, только что пожаренный шашлык и запотевший графин с водкой.

– Что нужно от меня? – спросил сразу понятливый Петрович, ловко наливая в хрустальные рамки водку.

– Товарищ полковник! Что нам может быть нужно от вас, чтобы вы были здоровы, жили долго и счастливо. А мы учились у вас, как Родину любить и защищать! – почти со смехом сказал незнакомец.

Чокнулись, выпили, налили еще по одной, снова чокнулись и выпили.

– Вот что, хватит! Кстати, как там тебя? – раздраженно начал Петрович.

– Олег Вишневский! – протянул Смирнову руку Вишневский.

– Дмитрий Петрович... – нехотя протянул руку Смирнов.

– Безвыходно! За знакомство! – налил уже Вишневский.

Выпили.

– Дмитрий Петрович... – неожиданно стал серьезным Олег. – Есть возможность заработать аам примерно на тысячу посещений этого ресторана. Это интересно?

– Допустим! – сдержанно ответил Петрович. Он в первые минуты общения с этим молодым человеком понял, что его будут просить сделать что-то такое, на что у других пороху не хватит. Другое дело, согласится он или нет. Но, черт возьми, Петровичу вдруг невыносимо сильно захотелось снова почувствовать те незабываемые моменты, когда высшая власть – это он, когда жизнь людей зависит только от него. Тот азарт, в котором он забывал обо всем и был способен на все. Да еще за это полагается вполне приличный гонорар.

– Мы так и думали. Простите за не очень приятное начало нашего очень, надеюсь, взаимовыгодного сотрудничества, – без иронии и с долей большого уважения сказал Олег. – Товарищ полковник, за вас! – снова наполнил рюмки Вишневский. Снова выпили.

– Я так понял, о деле сегодня не говорим. Хорошо работаешь. Видно сразу, грамотные были специалисты – научили. Раз все знаешь, давай не чокаясь помянем. Ровно двадцать лет назад я лично человек семь положил, шесть из пулемета, одного из табельного. Эх... Земля пухом!!! – прилично захмелев сказал Смирнов.

– Земля пухом! – поддержал Вишневский. Выпили не чокаясь.

– Товарищ полковник! Bravo! Вы именно тот, кто нам нужен. Сегодня точно не о делах. Давайте лучше посидим еще, водки и закуски много, а вы расскажите что-нибудь из своего прошлого, – почти искренне озвучил идею Олег.

– Что ж, можно и посидеть. И еще давай на «ты», я люблю по-простому, – предложил Петрович.

На эстраде сменялись мелодии и ритмы, официанты обслуживали гостей. Двое разных по возрасту мужчин сидели за столиком, оба толком пока не понимали, что их сейчас, кроме застолья, объединяет. Петрович не без удовольствия рассказывал, как он служил в органах, намеренно не упуская самых, пожалуй, «закрытых» подробностей. Олег внимательно слушал, изредка вставляя некоторые фразы, показывая собеседнику свою осведомленность и компетентность.

– Хочешь, я расскажу тебе, что там было в Новочеркасске двадцать лет назад? – почти шепотом неожиданно спросил Вишневого почти уже пьяный Дмитрий Петрович.

– Наверное, не стоит, все же государственная тайна. Но жуть как интересно, – наигранно ответил Олег.

– Государственная тайна – это для них, – Смирнов, широко размахнувшись, показал рукой на посетителей ресторана. – А для тебя все это ерунда!!! В общем, слушай: когда в Новочеркасске на заводе все закрутилось, забастовка, беспорядки, представляешь, главного инженера в топке паровоза хотели сжечь, еле спасли. А в городе людей накрутили сильно, очень сильно, провокаторы были и наши, и из-за грани-

цы, это точно. После этого по МВД и по Комитету начали собирать людей, которые в случае чего сопли жевать не станут и выполняют любой приказ. В число этих людей попал я, по возрасту и по званию я был старше всех, мне только майора дали. В общем, собрали нас и сказали, что в одном городе на юге ситуация сильно накалилась и, возможно, придется стрелять, и стрелять по безоружным людям, и если это не сделать, последствия могут быть непредсказуемые. Сказали спокойно, без идеологии и всякого такого, кто говорил – не скажу никогда и никому. Всем дали расписаться в подписке о неразглашении, – Смирнов заулыбался. – Посадили в самолет, в самолете раздали оружие – снайперские винтовки и пулемет. А в аэропорту Ростова прямо к самолету привезли пустые футляры из-под музыкальных инструментов – гитары, виолончели и т. п. Туда мы все «игрушки» положили и вышли из самолета как военные музыканты, сели в автобус и поехали в Новочеркасск. Приехали туда вечером уже темно, два наших полковника быстро объяснили что к чему, поели и до двух ночи обустроили позиции для стрельбы на чердаках горкома и на домах, что по сторонам. Утром сказали, что стрелять придется точно, вояки не хотят вставать, хотят быть святее всех святых, а просто так толпу такую не разгонишь. В десять утра принесли ящик коньяка, мы его быстро прикончили. Назначили старших на каждом чердаке и выдали им по рации, я отвечал за чердак горкома и был на пулемете. Народу в сквере пред горкомом – ужас сколько, тысячи! В

двенадцать ровно по рации «Приготовиться!», через минуту «Огонь!». Ну мы и дали по толпе, у ребят хоть и снайперские винтовки были, стреляли не целясь, а мне и того проще – у меня пулемет. По рации «Отбой!», затем «Всем оставаться на местах!», через час «Собратся!», быстро собрались оружие в футляры, гильзы собрали, сели в автобус и в управление КГБ отвели нас на последний этаж, а там уже столы накрыты, почти всю ночь ели и пили, потом опять автобус, самолет и в Москву.

Вишневский слушал Дмитрия Петровича как замороженный и ни разу не перебил, и вдруг ему пришла в голову мысль: «Если бы он это рассказал кому-нибудь другому, беда была бы! Значит, начальство кое-что понимает и знает, раз послали приглядывать за этим человеком.

Наступила черная южная ночь. Новые знакомые, пошатываясь, вышли из ресторана. У его входа кстати стояла машина такси.

– До Тонкого мыса, – без каких-либо церемоний садясь на переднее сиденье, скомандовал Олег. Петрович тем временем тихо расположился сзади.

– Двадцать, – однозначно предъявил водитель, понимая, что зависил цену поездки во много раз.

– Потянем! – весело ответил Вишневский.

Машина такси двинулась по ночному южному городу.

Притворно заснувший на заднем сиденье Петрович думал: что же нужно будет сделать, раз пообещали такие день-

ги и прислали такого профессионала. Ему очень понравился нет, не Олег, а стиль его работы, ничего лишнего и выпить мастер. «Ведь я ни с кем до этого так не откровенничал, становлюсь старым... Сейчас он спросит точный адрес, а через несколько дней он неожиданно приедет, и вот тогда...»

– Петрович, а адрес точный у тебя какой? – полусонным голосом спросил Олег.

– Набережная, 20, – опять притворно пробормотал Смирнов. «Все же мастерство не пропьешь», – подумал он о себе и о Вишневском.

Машина остановилась точно напротив дома полковника. Было тепло, но темно, мрак южной ночи разрезали лишь фары такси.

– Товарищ полковник, до встречи! – сидя в машине, весело попрощался Олег.

– Будь здоров! – выходя из машины, ответил Петрович.

Резкий поворот сделала машина, увозя Олега Вишневского обратно в город.

«Бывают же такие люди», – думал Олег о полковнике Смирнове, многих «крутых» видел и на службе, и в высшей школе, но все они и в подметки не годятся этому настоящему монстру, это же надо – семь человек пришить, и не фашистов каких-то, а своих простых работяг, из пулемета... Сидит в ресторане, поминает... Однако любому государству подобные люди очень нужны, как на войне нужен хорошо смазанный и пристрелянный автомат. И сейчас самое время вос-

пользоваться Смирновым как очень эффективным оружием.

Глава 2. Днем ранее

Середина первого дня лета. Почти не жарко. Улицы столицы Кубани наполнены ярким, но еще пока не палящим солнцем. На просторных площадях, проспектах, а также на маленьких улочках и во дворах южного города очень много людей и детей. Краснодарцы наслаждаются погодой, ведь еще каких-нибудь недели две-три – и будет невыносимо жарко.

В приемную первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС вошел Олег Вишневский, по штату обкома он числился референтом, на самом же деле он в свои тридцать два был майором госбезопасности, приставленным к первому.

О этом знали все, кому положено, и даже некоторые, которым не положено, знали еще и то, что с первым он работал года два и за это короткое время у них сложились очень доверительные почти дружеские отношения. Данный весьма важный нюанс позволял Олегу быстро решать самые трудные вопросы. Доверие к Олегу первого было основано на ряде весьма деликатных поручений, которые Олег исполнял с точностью швейцарского хронометра.

Олег пользовался исключительным правом заходить к первому без предварительного оповещения кого-либо, а также звонить ему по известному лишь нескольким десяткам человек в крае номеру телефона. Но сегодня Олегу позволил его непосредственный руководитель – начальник управ-

ления КГБ по Краснодарскому краю генерал Василенко лично и сказал, что его срочно ждет первый. Вишневному сразу стало понятно, что ему снова придется решить что-то совсем непростое и, возможно, даже противозаконное.

– Олежек! Очень ждет! – вкрадчиво сказала миловидная секретарша, указывая пишущей ручкой на массивные дубовые двери главного в крае кабинета.

– Уже иду! – подмигнув секретарше, прошагал через приемную Олег.

Дверь открыл «настоящий» референт по имени Евгений. Олегу всегда казалось, что в обязанности Евгения только и входит, что открывать и закрывать дверь кабинета первого.

В центре огромного, обитого дубом и обставленного массивной и тоже дубовой мебелью административного пространства сидел в кожаном кресле Герой Социалистического Труда, «хозяин» гостеприимной Кубани, член ЦК КПСС, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Сергей Федорович Медунов.

Сергей Медунов возглавил край после влиятельнейшего Георгия Золотухина. Тот хорошо разбирался в экономике и многое сделал для края. Но новый руководитель превзошел его в разы. Все жители Советского Союза мечтали провести несколько недель законного отпуска на побережье Краснодарского края, и безусловная заслуга в этом была лично Медунова. Медунов был энергичным, деятельным человеком, заточенным на конечный результат. При нем резко возрос

коэффициент полезного действия среди чиновников. Он сам лично во все дотошно вникал.

Ни для кого не секрет, что у «хозяина» Кубани были по-настоящему дружеские отношения с самим генеральным секретарем Леонидом Брежневым. Сошлись они в 1974 году, когда Новороссийску присвоили звание «Город-герой». Тогда по распоряжению Медунова восстановили блиндаж, откуда полководец Брежнев руководил битвой за Малую землю. Леонид Ильич был растроган до слез и приблизил к себе Медунова, у которого тоже была героическая фронтовая биография. Хорошие отношения Брежнева и Медунова были дополнительным импульсом развития края, однако многим сильным мира сего они сильно не нравились, завидовали...

Медунов считал, что Кубань должна быть первой во всем. Соответственно, требовал от своих подчиненных по полной программе. По воспоминаниям современников, человеком первый секретарь был громогласным. И страшным в гневе. За проступки никого не щадил, при всех устраивал разбор полетов. Говорят, что один из номенклатурщиков, на которого как-то обрушил свое негодование Сергей Федорович, умер от инсульта прямо на заседании. Медунов держал в кулаке весь регион.

– Здравствуйте, Сергей Федорович! – по-деловому, но с неподдельным уважением поздоровался Олег.

– Привет, Олег! Очень жду! – также по-деловому тоже по-

здоровался Медунов. – Итак, Олег без лишних фраз сразу к делу. Час назад органами прокуратуры Союза в Геленджик-ке арестована Шахиня!!! – с волнением начал первый. – Попалась знаешь на чем?! На порнографии – в одном кабаке крутили за деньги фильмы с голыми бабами, кто-то донес, пришли сотрудники – кстати, ваши сотрудники, – Медунов показал пальцем на Олега, – взяли ловкачей, а те недолго думая под протокол, что это Берта Наумовна Бородкина их сама заставляет так деньги зарабатывать и с ней делиться. И пошло-поехало!!! Час назад арест!!!

– Берта Бородкина?! – округлил глаза Олег. Он догадывался, что что-то случилось, но не думал, что настолько серьезно. Влияние и вес этой женщины в Краснодарском крае были невероятны, равно как были невероятны ее махинации. О которых в силу своей основной деятельности почти досконально знал Олег. Но что ее так просто могут арестовать, поверить в это сложно было даже Олегу.

– Да, Олег, да! Это очень плохо. Мне дали поговорить с ней по телефону не больше двух минут, и то по очень большому благу. Она угрожает, если ее не освободят, начать говорить, а это, сам понимаешь, конец, всем нам конец. Пока у меня нет ни одного рычага воздействия на следствие. Пока нет! Только недавно от наездов по сочинским делам отвертелись, спасибо генеральному, – Медунов взглянул на огромный портрет Брежнева, висящий в кабинете. – И вот на тебе!

Но это еще не все. И сейчас главное, из-за чего я тебя по-

звал. Минут сорок назад в истерике мне звонил Коля По-
годин, первый секретарь горкома Геленджика, просился на
прием. Он немедленно вторым после Шахани пойдет, если
она заговорит, да и вообще там даже копать не надо, все как
на ладони. А он на следствии и уж точно молчать не будет,
не сможет просто. Я его знаю. Он не Берта – железная баба.
Ох и каша заварилась.

В общем, так, Олег, Бородкина – моя проблема, я ее буду
решать. А вот с Колей Погодиным помоги... Ему все равно
не выкрутиться! Он ее прямой начальник. Такие махинации
на такие суммы, которые шьют Бородкиной, без его ведома,
а то и без его участия проводиться не могут. Погодин одно-
значно соучастник Берты. В общем, с Колей все! – загадочно
посмотрел на Олега почти всесильный, но испуганный чело-
век.

– В смысле, Сергей Федорович? – сделал непонимающий
вид Вишневский.

– Олег! Не дури! Николай Погодин в руках следствия ока-
заться не должен ни при каких обстоятельствах. Сердечный
приступ, кирпич на голову – что угодно. Не мне тебя учить.
Но сделать надо чисто и быстро. И, само собой, не привле-
кая своих, – понял, Олег, без своих. Хочешь сам, хочешь на-
нимай кого, знаю, на руках у тебя крови нет, хотя другого
предостаточно, – хитро прищурился Медунов. – Пятьдесят
кусков, я думаю, за работу тебе будет вполне. Такие деньги
плачу тебе за тишину и чтобы концов ни один следователь

не нашел, – горячился Сергей Федорович.

– Вы сейчас серьезно? Это очень рискованно. В случае чего на должности вам не удержаться. Сергей Федорович, так все серьезно? – с сочувственным интересом спросил Олег.

– Еще как. Тут уже не о месте своем надо думать, а как в солнечный Магадан не уехать, а то, чего доброго, и о «вышке». Если не дай бог Погодин к следователям попадет. Главное, никакие достижения и заслуги здесь уже роли не сыграют и не помогут, а связи только усугубят дело. Поэтому и прошу тебя, Олег, как друга прошу, – так откровенно Медунов никогда ранее не говорил.

– Сергей Федорович, сейчас, то есть немедленно его убирать нельзя. Очень уж будет все подозрительно. Нужно подождать хотя бы неделю, а лучше две. Пожалуйста, попробуйте пообещать Берте Наумовне, что вытащите ее, взамен ей нужно молчать как можно дольше. В Геленджике пусть уничтожат все подозрительные бумаги, да и вообще улики. А я за это время постараюсь подготовить операцию, – подытожил Вишневский.

– Правильно, Олег, все толково говоришь! Спасибо, что все понял сразу. С Бертой свяжусь сегодня вечером – обещали. Уговорю! Геленджик – вообще не проблема. Погодину скажу, что приму его через две недели и что все пока улажено. А ты думай, Олег, хорошо думай, как все сделать. Очень многое сейчас от этого зависит. Времени тебе неделя, ровно через неделю жду с подробным планом. И сам понимаешь,

чтобы ни одна живая душа... В случае чего – раздавлю! – здесь выражение лица Медунова перестало быть растерянным и испуганным, а стало действительно очень страшным.

Вишне夫斯基 прекрасно осознавал, что шеф (а шефом он считал Медунова) его ничуть не боится и запросто, если что, может уничтожить, и только поэтому он с ним настолько откровенен. Однако ему льстило, что самые сложные во всех отношениях дела Медунов поручает ему и к тому же неплохо за это материально благодарит. И сейчас, пожалуй, в один из самых тяжелых для себя моментов, он обратился именно к Вишневскому.

– Я все понял, Сергей Федорович. Через неделю я у вас, – с этими словами Олег вышел из кабинета. И отправился к себе в краевое управление КГБ.

Трудно представить себе, что подобный диалог был на самом деле, но, когда ставки становятся слишком высоки и когда на кон становятся свобода и даже жизнь, решения принимаются быстро, и часто эти решения бывают весьма жесткими и жестокими.

Медунов отчетливо осознавал, что вокруг его фигуры начинается большая игра и что в этой игре ему быть фигурой разменной. Брежнев стар и болен, в скором времени покинет этот мир, вслед за ним почти сразу покинут свои насиженные кресла огромное количество выдвинутых им чиновников разных рангов, в том числе и он. Только многие уйдут на неплохую пенсию, а он запросто может оказаться в

тюрьме или даже будет расстрелян в назидание остальным. Поэтому в первые секунды после разговора с уже арестованной Бородкиной Медунов принял жесткое решение бороться за свое относительно спокойное будущее всеми доступными методами и способами.

Олег добрался на своей светло-бежевой «шестерке» от крайкома до управления за несколько минут. Зашел в свой крошечный кабинет, в котором с трудом помещались письменный стол, шкаф, два кресла и журнальный столик и главное: два телефона – один черный для внутренней связи, а другой красный для связи лично с первым секретарем. В кабинете было нестерпимо жарко, почти как в парной, Олег открыл окно, закурил и глубоко задумался: «Вот задачу задал шеф. Шутка ли – устранить без следов первого человека в городе, тут надо хорошо подумать и все спланировать, но одному не справиться, это точно, нужно искать помощника. С другой стороны, деньги, с такими деньгами можно поискать. Но где! Шеф сказал – сразу без своих, а где тогда искать? С кем тогда работать? С дворником, что ли? Да уж, задача, а времени не так много.

Зазвонил телефон внутренней связи. Вишневыский поднял трубку:

– Алло, – усталым голосом сказал Олег.

– На месте? С утра тебя ищу. Где ходишь? – спросили в трубке.

– На месте. Только с Олимпа спустился. Артур, заходи! –

повеселел Вишневский.

Через несколько минут в кабинет к Олегу зашел Артур Крутин, сотрудник следственного отдела – следователь краевого управления КГБ и тоже майор. Невысокий, но крепкий, загорелый, с не очень красивым лицом, со сверлящими насквозь любого страшными черными глазами. Артур, несмотря на род своей деятельности и внешность, был очень обаятельным, имел прекрасное чувство юмора и был убежденным оптимистом. Однако сказать, что он был хорошим и добрым человеком, было нельзя: свою следственную работу он знал хорошо и для достижения тех или иных целей мог пойти в буквальном смысле на все. Он был немного старше Олега и значительно хитрее и, наверное, умнее, но, несмотря на это, они дружили.

– Привет элите. Как на Олимпе? – Артур всегда подкалывал Олега, зная о его роде службы, – конечно, немного завидовал.

– Скучать не дают! Что пришел? – Олегу и правда стало интересно, зачем его искал, а потом пришел Артур.

– Старый, ты завтра сильно занят? Не предвидится «игр богов»? – издали начал Артур. Так между собой Вишневский и Крутин называли нерабочие мероприятия первого – банкеты, приемы, рыбалки, охоты и т. п.

– Вроде нет, а что? Неделю вызывать не будут – во всяком случае, не должны, – хитро ответил Олег.

– Отлично, старый, отлично! – Артур от радости почти

подпрыгнул в кресле. – Надо завтра съездить в Геленджик. С меня бутылка коньяка! Пожалуйста, – Артур не умел просить, но тут у него получалось.

– Это еще зачем? С делами Шахини без нас разберутся, – сухо ответил Олег.

– Разберутся – не то слово. Там такие «бобры» работают – все перегрызут, ей крышка. Тут другое дело. Ты про то, как людей при Хрущеве в Новочеркасске расстреляли, что-нибудь слышал? – неожиданно и не к месту спросил Артур.

– Что-то слышал, в «вышке» говорили. А это сейчас при чем? Тайна же государственная, – Олегу становилось все интереснее.

– Да при том. Тайна-то она, конечно, тайна, но... не для нас. Завтра этим событиям ровно двадцать лет. По нашим данным, в Геленджике лет уже шесть как живет некий Дмитрий Петрович Смирнов, отставной полковник, сам понимаешь, госбезопасности, он тогда тоже, по нашим данным, из пулемета с крыши тамошнего горкома сам лично человек десять уложил. Лютый, короче, зверь, еще с войны, личное дело читать страшно. Слышишь, мне читать страшно!!! Стрелков там много было, и, что интересно, уже никого нет, кто где в свое время по разным причинам... А он, сука... Живой!

В общем, наше начальство вспомнило про него и заволновалось, и мне дали задание завтра его попасти малость вечером, мало ли что. А то нахлынут на него воспоминания двадцатилетней давности да начнет всем нести, что было, а

что не было. Нервы, говорят, у него последнее время вообще ни к черту, да и пьет он иногда по-черному. Олег, попаси его за меня! С меня ресторан! И коньяк, разумеется! – все настойчивее просил Артур.

– Только попаси? – Олегу в голову пришла блестящая мысль, ведь этот Смирнов тот, кто ему сейчас нужен, в конце концов, если он совсем отморозок, то и разговоров о деле не будет, а если человек стоящий, то это решение большой проблемы.

– Пока да. На другое санкций нет, – неожиданно серьезно сказал Артур.

– Ладно! С тебя ресторан! А сам почему не можешь? – не показывая радость, согласился Олег.

– Старый, спасибо! От души спасибо! Понимаешь, тут ко мне одна приедет, зовут Инга, двадцать семь лет, высокая, стройная и, главное, без комплексов, я ее мужа по наркотикам вел и посадил, сел он крепко. А ей без мужика трудно, ну и приезжает иногда, вот завтра приедет. Времени у нее всегда мало, короче, грех не встретиться. Она такое творит под героином!!! – Артур закатил глаза от предвкушения.

– Понял тебя, Казанова! Давай адрес, телефон на всякий случай этого Смирнова, – на деловой лад перевел разговор Вишневский.

– Старый, завтра утром! Завтра утром все данные на него дам, – тоже по-деловому заговорил Артур. – В Геленджике ты остановишься на явочной квартире, туда тебе ближе к ве-

черу позвонит кто-то из завербованных сотрудников и сообщит, где находится и в каком состоянии Смирнов. Ну а ты действуй по обстановке, хочешь – ходи просто за ним, хочешь – вместе с ним пей, главное, не дай ему много говорить про те события, ну и не провоцируй. А может, он не будет разгуливаться, тогда и беспокоиться не надо: когда он трезвый, про подписку о неразглашении государственной тайны не хуже нас с тобой знает. Вечером к дому приедешь, посмотришь – и обратно в Краснодар.

Крутин ушел. А у Вишневого значительно улучшилось настроение: «Если бы ты знал, Артур, как вовремя ты со своей просьбой. Спасибо тебе и твоей Инге, наркоманке-нимфоманке, как все кстати. Уж этого Смирнова я сумею как-нибудь уговорить, не зря на одни пятерки всю жизнь везде учился. Да и опыт у меня уже будь здоров! А сейчас домой, уже вечер, завтра день будет долгим!»

Какими чудесными и восхитительными бывают летние вечера на юге.

Глава 3. К делу!

Прошло три дня с момента первой встречи Вишневого и Смирнова в ресторане «Геленджик». Дмитрий Петрович уже решил, что больше не увидит модного в меру нахально-го и профессионального Олега. Но глубоко в душе Петрович все же надеялся, что мимолетное предложение в ресторане окажется реальным и он снова окажется нужным для

своей бывшей организации. Однако и Олег предполагал, что Петрович именно так думает, поэтому не торопился с новой встречей.

«С этим человеком запросто нельзя. Пусть дойдет до «кондиции», – вспоминая известный фильм, размышлял прекрасно разбирающийся в людях Вишневский. – Но и затягивать тоже смысла нет, еду к Смирнову сегодня, сейчас!»

Олег быстро собрался, закрыл кабинет, предупредил дежурного, что по делам едет в Геленджик на несколько дней и остановится на явочной квартире, если что – звонить туда, дежурный скрупулезно все записал в специальный журнал.

По пути в Геленджик Вишневский заехал в ресторан гостиницы «Кубань», где у знакомого официанта купил за пятьдесят рублей две бутылки «Столичной» и полукилограммовую банку черной икры. Гостинцы для Дмитрия Петровича Олег предусмотрительно положил в небольшую спортивную сумку.

В Геленджике Олег оставил свою машину напротив дома, в котором находилась явочная квартира, взял сумку с водкой и икрой, быстрым шагом дошел до уже знакомого ресторана «Геленджик». У входа стояла машина такси.

– Набережная, 20, Тонкий мыс. Доедем? – спросил Олег.

– Доедем! Пять рублей, – устало объявил таксист.

– Прекрасно, несколько дней назад было дороже, – Вишневский сел в машину.

Через несколько минут такси остановилось точно напро-

тив дома Дмитрия Петровича. Расплатившись и выходя из такси, Олег увидел человека в когда-то белой майке, растянутых тренировочных штанах и сложенной из газеты панаме, который красил крыльцо своего дома, – это был Смирнов.

– Бог в помощь! Дмитрий Петрович, – перед калиткой весело прокричал Вишневский.

– Приехал все-таки. Ну пошли в доме поговорим, уж раз приехал! – нехотя пригласил Олега в дом Дмитрий Петрович.

Дом Смирнова был небольшим, но очень уютным, хорошо, со вкусом и логично обставленным. Вся мебель была дорогой, румынского или югославского производства, купленной по большому благу, что подчеркивало статус и возможности ее владельца. В доме было много ковров, хрустальных ваз, бронзовых и фарфоровых статуэток, но не было ничего лишнего и вычурного, все было очень чисто и опрятно. В доме не было шика, а было ощущение достатка и достоинства.

– Как у тебя в дома хорошо, как на государственной даче, – польстил хозяину Вишневский.

– Стараюсь! – односложно ответил Смирнов.

– Как насчет по пятьдесят грамм за встречу? – игриво спросил Олег, доставая бутылку «Столичной».

– Запросто! Но пить будем из стаканов, – доставая стаканы, с нескрываемой радостью сказал Смирнов.

– Из стаканов – значит из стаканов! А хлеб у тебя есть? – Смирнов достал банку икры.

– Утром купил, как знал! – Дмитрий Петрович достал из хлебницы батон белого хлеба.

Нарезали хлеб, от души намазали черной икрой, налили по половине стакана водки, выпили за встречу, закусили...

– Дмитрий Петрович, а сейчас к делу! – коротко сказал Вишневский.

– Весь во внимании! – отставил стакан Смирнов.

– Нашей организации нужна помощь в устранении весьма серьезного человека, и, как ты сам понимаешь, это надо сделать неофициально и очень тихо. Понятие «тихо» здесь ключевое! – сакцентировал Олег. – Сможешь помочь в этом деле?

– Возможно. Кто этот человек? – спросил Петрович.

– Первый секретарь комитета КПСС города-курорта Геленджика Николай Федорович Погодин, – спокойно ответил Вишневский, выпив почти полный стакан водки.

– Чего?! Сдурел, что ли?! Шутки вздумал шутить?! А не боишься, что я тебя сейчас первому милиционеру сдам?! Пошел отсюда, придурок!!! – Смирнов почти кричал. Он поначалу действительно посчитал, что Вишневский его разыгрывает.

– Товарищ полковник, ты о чем? Никого и никуда сдавать ты не пойдешь, потому что через десять минут окажешься в отделении интенсивной спецпсихиатрии и оттуда не выйдешь уже никогда, я лично постараюсь. И еще я не понимаю, почему такая реакция, тебя просят помочь – так помо-

ги. Двадцать пять тысяч рублей заплатят. А на нет и суда нет, как говорится! – подытожил Олег.

– Зачем и почему его надо устранять? Можно с должности снять, посадить, ему там недолго останется, он диабетом болеет, – немного успокоившись, почти шепотом заговорил Смирнов, наливая водку в свой стакан.

– Ну спросил! А ты у своих начальников спрашивал, зачем из пулемета людей безоружных на площади мочить? А другие твои проделки напомнить? – с улыбкой, но по-злому ответил Вишневский и тоже себе налил. – Тебе вообще была когда-нибудь разница, кого на тот свет отправлять, а тут... В милицию сдам... Посадить...

– Там другое. Там приказ... Ты хоть понимаешь, что значит для офицера советской госбезопасности приказ... Значит, так надо было. Родине надо было!!! Родине!!! Понял!!! Сопляк!!! – Петрович опять закричал. И одним махом опрокинул стакан.

– Тогда считай, что сейчас тоже нужно Родине, только за это еще денег заплатят. Себе старость обеспечишь до конца дней, да и дочерям с внуками останется. А хочешь – бесплатно помощи в виде шефской помощи. Без проблем! Товарищ полковник, не дури! – начал сглаживать непростой разговор Вишневский.

– Да пошел ты... – обиженно ответил Смирнов.

– В таком случае прощайте, товарищ полковник, – Олег быстро собрался и быстрым шагом вышел из дома Петрови-

ча.

– Стой, иди сюда. Прости старика, вспылел немного! Ну с кем не бывает? Знаешь, сидишь тут целыми днями и ночами один. Действительно, какая мне разница, – стало понятно, что Смирнов все решил, и в первую очередь для самого себя.

Дмитрий Петрович решил все еще в ресторане. Он все сразу понял, что просто так его беспокоить не будут, про него очень много знают, а знать могут только в одном месте, и что работу надо делать не простую. Там же в ресторане он спросил у официанта Константина, правда ли с ним за столиком сидит сотрудник КГБ, Константин подтвердил. Кстати, ему так заранее велел Олег. В общем, грех не согласиться, опять стать нужным и с большими деньгами.

– Концерт окончен? Товарищ полковник, я так понял, ты согласен? Занавес? – серьезно, но с иронией спросил Вишне-вский.

– Не язви! Согласен, не согласен – что надо делать? – негромко спросил Петрович.

– Значит, так: надо внимательно продумать, рассчитать, спланировать, как без шума и не привлекая лишнего внимания сделать так, чтобы Погодин пропал навсегда. Знать об этом будут три человека: я, ты и мой шеф. Я полностью в твоём распоряжении, но больше никого. Сам понимаешь! – многозначительно сказал Олег.

– Сколько у меня времени? И когда деньги? – опять негромко спросил Дмитрий Петрович.

– Времени для разработки мероприятия у нас только весь завтрашний день. Послезавтра в девять я буду здесь, и ты мне должен будешь детально предоставить план мероприятия. Что касается денег, они будут в день, когда пропадет Погодин, надеюсь, это понятно? – Вишневному нравилось чувствовать себя начальником.

– Ладно, по времени нормально. Дело нехитрое. А вот по поводу денег – аванса не будет? – налил себе половину стакана и выпил Смирнов.

– Товарищ полковник, нельзя так любить денежные знаки и так много о них думать. Аванс в заводской кассе выдают, мой шеф в отношении денег большой педант, тем более таких, так что не волнуйся, все будет как положено и как договорились, – Олег тоже выпил полстакана водки.

– Придется поверить, раз подписался на такое. Уходи, мне надо работать! – Дмитрий Петрович немного захмелел...

– Верно, товарищ полковник, надо идти! – Вишне夫斯基 тоже был нетрезв. Но доволен, он очень боялся этого разговора, и вот он наконец состоялся, и как надо. Олег был горд собой.

Будущие соучастники, выпив по крайней, договорились встретиться через день в девять часов утра. Олег, покачиваясь, пошел пешком до явочной квартиры по теплому вечеру южного города.

Рано утром следующего дня Дмитрий Петрович залил из большой канистры бензин в топливный бак своего катера.

И на большой скорости напрямик через бухту направился в центр Геленджика. Пришвартовавшись к пирсу, Петрович вышел на набережную. Он несколько часов погулял по набережной, выпил пива в расположенной рядом с рынком пивной, купил на там же на рынке мяса и овощей. Еще полчаса посидел в сквере рядом с горкомом партии. Дошел до пирса, отшвартовался и уплыл к себе.

Для всех, кто его видел в тот день, он был простым пенсионером, неспешно занимающимся своими неторопливыми пенсионными делами. Но Дмитрий Петрович был настоящим профессионалом, во время прогулки в его голове созрел, может быть, не сильно сложный, но эффективный план, осталось его перенести на бумагу – что и было сделано точно и аккуратно вечером.

Ровно в девять на пороге дома Смирнова появился Вишневский.

– Товарищ полковник, можно к вам? – притворно вежливо спросил Олег.

– Заходи. Яичницу будешь? – Смирнов завтракал.

– Товарищ полковник, нет, сегодня некогда, как дела, придумал чего? – было видно: Олег торопится.

– Придумал не придумал, а рекогносцировку провел, целый день вчера на это потратил. На, смотри! – Смирнов протянул Вишневскому исписанный с двух сторон лист бумаги.

Олег торопливо взял в руки листок, сел за стол и начал читать. Читал он внимательно, Петрович в это время с аппе-

титом ел яичницу.

– Мастерство не пропьешь! Товарищ полковник – это просто прекрасно. В вас не ошиблись. Шеф, я уверен, будет доволен. Послезавтра я приеду опять и скажу точную дату мероприятия, – восторженно, но торопливо сказал Олег, убирая бумагу в нагрудный карман своего серого пиджака.

– Послушай, ты все время упоминаешь какого-то шефа. Кто он? – прямолинейно спросил Дмитрий Петрович.

– Вот спросил! Как это кто? Начальник управления КГБ по Краснодарскому краю генерал Василенко Георгий Иванович, ты же его знаешь. Вопросы еще есть? – выходя из дома, ловко, глядя в глаза Смирнову, соврал Олег.

– Вопросов нет. Ладно, все понятно. До встречи, – с недоверием попрощался с Олегом Петрович. Он чувствовал, что Олег ему многое недоговаривал, однако разбираться в этом сейчас желания пока не было.

Вишневский, спешно приехав на явочную квартиру, достал из нагрудного кармана пиджака драгоценную бумажку, составленную Смирновым, сел за пишущую машинку и усердно перепечатал рукописный текст, вставляя в него собственные дополнения, но их было немного. Закончив работу, собрав все бумаги и положив их в кожаную папку, Олег, не теряя не минуты, поехал в Краснодар.

Едва оказавшись в своем кабинете в управлении, Олег по памяти набрал номер телефона на красном аппарате.

– Я давно тебя жду, чтоб через десять минут был, – при-

казал раздраженный голос на том конце провода.

– Есть, Сергей Федорович! – коротко отчеканил Вишнеvский.

Через десять минут он действительно был в приемной. Ни с кем не здороваясь и не дожидаясь, пока Евгений ему откроет дверь кабинета Медунова, Олег пулей пролетел приемную, сам себе открыл дверь, в руках он сжимал кожаную папку.

– Добрый день, Сергей Федорович! – вежливо поздоровался Олег.

– Здравствуй Олег, заставляешь себя ждать. Ты что? Я весь день тебя жду, нехорошо, несолидно! – начал отчитывать Вишнеvского Медунов.

– Сергей Федорович, простите, я только что из Геленджика приехал, – спокойно сказал Олег.

– Из Геленджика? Ты там по нашему делу был или просто шатался? Я следователей к Погодину из последних сил держу. День, два – и они у него, а ты на звонки не отвечаешь, и никто не знает, где ты, – Медунов все никак не успокаивался.

– Сергей Федорович, конечно, по нашему, – здесь Олег рассказал Медунову про Смирнова, как и при каких обстоятельствах с ним произошло у них знакомство. Также он рассказал о его готовности помочь.

– Ты обо мне этому твоему Смирнову что говорил? – строго спросил Медунов.

– Сергей Федорович, ни одного слова! Я ему сказал, что

работаю по устному распоряжению своего непосредственно-го начальника генерала Василенко. А почему и зачем, Смирнов меня не спрашивал, он хоть и в отставке, но очень опытный чекист, – удивившись подобному вопросу шефа, ответил Вишневский.

– Хорошо, по делу что? – Медунов начал успокаиваться.

– По делу: готов план операции! Сергей Федорович, ознакомьтесь, – Олег положил перед Медуновым машинописный лист бумаги.

Медунов надел очки в толстой оправе, вынул из изящного настольного посменного набора красный карандаш и приступил к чтению. Он читал долго, делая пометки на листе карандашом, при этом не произнося не слова. Закончив чтение, он неторопливо встал из-за стола, открыл шкаф, в котором был замаскирован сейф иностранного производства, открыл его и бережно положил в его недра только что прочитанную бумагу. Все так же молча Медунов сел за свой стол.

– В целом достаточно толково, профессионально написано, – через несколько минут напряженного мыслительного процесса и тягостного молчания произнес Медунов.

– Сергей Федорович, вас устраивает этот план? – с волнением спросил Олег.

– Да, вполне. Дату определяю 14 июня, понедельник. Тебе быть в приемной не позже одиннадцати утра, смотри у меня – чтобы не как сегодня. Зайдешь ко мне в кабинет, когда вызову, много не болтать! Погодина вызову в воскресенье

вечером, на утро понедельника – сам позвоню, на него это действует, – как бы размышляя вслух, говорил Медунов.

– Сергей Федорович, принято! – отрапортовал Олег.

– Если честно, то я не очень доверяю этому Смирнову, но доверяю тебе, поэтому и утверждаю этот ваш план! Ты за него отвечаешь, как за себя. И помни, в случае малейшей оплошности или засвечивания моей фамилии весь спрос с тебя лично будет. Найдут и тебя, и Смирнова твоего, и все будет в соответствии с вашим же планом. Тебе все понятно?

А что помощника такого опытного нашел – молодец, так как на «мокром» ты не замечен, а в первый раз в таком деле без наставника, наверное, трудно. В общем, на связи! – Медунов как-то не хорошо заулыбался.

– На связи, Сергей Федорович! – ошарашенный речью шефа, Вишневский вышел из кабинета.

Медунов, конечно, очень много знал про тех людей, с которыми он непосредственно работал, он знал их сильные и слабые стороны. Информация к нему приходила из разных источников и в больших объемах. В связи с этим на многих он обладал приличным количеством компромата, который при случае мог, не моргнув глазом, задействовать.

Конечно же, у Медунова компромат имелся на Олега, и знал он про него, как казалось, все. Однако Сергей Федорович и предположить не мог, каким образом Вишневский попал к нему на службу в столь молодом возрасте и какие зловещие страницы таила биография его преданного помощ-

ника. Ведомство, в котором полжизни служил Вишнеvский, умело хранить свои тайны даже от таких, как Медунов.

Родился Олег в небольшом селе недалеко от Гомеля в Белоруссии, в семье немолодых крестьян, переживших войну, отец был партизаном и честно воевал, матери одной не удалось сберечь двух старших братьев Олега, они умерли от болезней в оккупации. Родители долго переживали смерть детей, но жизнь, как говорится, продолжается, и через пять лет после Победы на свет появился Олег. Олег жил в любви и заботе, которую не успели дать родители братьям. Он был здоровым, веселым парнем и очень хорошо учился, потому что много читал. Окончил поселковую школу с золотой медалью, потом легко поступил на исторический факультет педагогического института имени М. Горького в Минске.

Учился без труда, жил в общежитии, на лето приезжал к родителям, студенческих компаний не сторонился, но и ни в чем плохом замечен не был. В институте был член бюро комсомола, там на четвертом курсе на него обратили внимание товарищи из КГБ. Пригласили, поговорили, почти год шла проверка – сын партизана как-никак, мало ли что. После получения красного диплома Вишнеvский стал сотрудником органов государственной безопасности, его оставили в родном вузе в формальной должности старшего преподавателя на кафедре отечественной истории.

Проявил себя Олег как ответственный и исполнительный сотрудник, однако сказывалось отсутствие опыта оператив-

ной работы, но личные качества Олега: острый ум, ответственность, пунктуальность, умеренная инициативность – этот недостаток покрывали. Вскоре было принято решение отправить Вишневого учиться на Высших курсах КГБ в Минске.

Там Олег снова проявил себя с хорошей стороны, после года обучения и блестящего окончания курсов все дисциплины – только отлично, он был переведен на работу в управление КГБ по городу Минску и Минской области в звании старшего лейтенанта.

Служба в управлении была нетрудной, Вишневский вступил в партию и женился, но по прошествии нескольких лет развелся – не сошлись характерами. Во время московской Олимпиады уже капитан Олег Вишневский на несколько месяцев был командирован в Москву, сразу после приезда обратно в Минск его неожиданно вызвали к руководству республиканского КГБ.

Там ему сообщили, что он выбран для выполнения ответственного задания и ему доверено стать ключевой фигурой в непростой с точки зрения практического выполнения специальной операции. Вишневному ничего не оставалось, как сказать «есть!». В течение полутора месяцев шла подготовка к операции, все было спланировано и разработано до мельчайших деталей.

4 октября в 14:30 Вишневский, одетый как простой сельский работяга, находился на одной из овощебаз поблизости

от города Жодино, где нашел самосвал ГАЗ-53Б, только что загруженный несколькими тоннами картошки, водителю Николаю Пустовиту он представился экспедитором и сказал, что поедет вместе с ним в Минск. Пустовит обрадовался: вдвоем веселее.

Самосвал спокойно на хорошей скорости двигался в сторону Минска по трассе Минск – Москва, как вдруг идущий впереди синий МАЗ-503 начал неожиданно сбрасывать скорость.

– Что он творит, разобьемся!!! – почти закричал Пустовит.

– Объезжай слева. На встречную! – вдруг приказал сидящий рядом Вишневский. В руках у него появился пистолет.

– Хорошо, но зачем... – продолжить фразу Пустовит не успел, так как начал маневр влево, на бешеной скорости перед самосвалом по встречной полосе промчалась милицейская «Волга».

– Что за черт? – удивился Пустовит.

– Жми! Пристрелю! – продолжал уже по-злому командовать Вишневский. В этот момент в самосвал врезалась черная правительственная «Чайка». От удара заднюю часть грузовика подняло вверх так, что находящаяся там картошка засыпала салон «Чайки» и рассыпалась по трассе.

– Что ты наделал, что теперь будет? – кричал Пустовит.

– Все будет хорошо, если скажешь, что в машине был один, и будет очень плохо, если кто-нибудь узнает про меня.

Плохо будет твоим жене и детям! Понял?! – с этими словами Вишневский вылез из самосвала и сел в только что вернувшуюся милицейскую «Волгу», которая вместе с ним на большой скорости направилась снова в сторону Минска.

Сидя за рулем, Пустовит зарыдал.

Все три пассажира черной «Чайки» погибли, одним из них был Герой Советского Союза, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Белорусской ССР Петр Миронович Машеров.

Вишневский ни на секунду до аварии и после не задумывался о том, что сделал. Не испытывал не малейших угрызений совести, когда дежурил, как и другие белорусские чекисты, на похоронах Машерова. Олегу присвоили звание майора, взяли подписку о неразглашении государственной тайны, в случае чего – высшая мера... И от греха подальше... отправили служить референтом, а по факту в качестве приставленного офицера к первому секретарю Краснодарского крайкома Сергею Медунову. Это была своеобразная благодарность за выполненное им задание.

Одной из задач Вишневского на новом месте было сообщать кому надо в управлении КГБ по Краснодарскому краю обо всех нештатных, неслужебных ситуациях, происходящих с первым. В начале своей работы Олег это делал, но быстро осознал, что Медунов в крае фигура более чем значительная и стучать на него небезопасно, ведь все его от-

четы попадали в виде копий на стол к первому. Олег понял: с Медуновым надо дружить.

Ближе к выходным Олег начал нервничать, из головы не выходил последний разговор с шефом. Чтобы отвлечь себя от тревожных мыслей, он сел в свою «шестерку» и снова поехал в Геленджик. Формально он должен был предупредить Дмитрия Петровича о дате мероприятия, а фактически для своего успокоения все еще раз тщательно проверить.

– Да не суетись ты, все будет как надо! И не такое делали! Лучше иди искупайся, вода потрясающая! – успокоил Петрович, подвозя Вишневого на своем катере к центральному городскому пляжу.

От слов Смирнова действительно становилось спокойнее. Олег с удовольствием часа полтора провел в ласковом Черном море. А после вернулся в Краснодар.

В полдень пятницы в кабинете Вишневого зазвонил черный телефон.

– Привет! Старый, на месте? – в трубке был веселый голос Крутина.

– Здравствуй, Артур! На месте! А что? – без энтузиазма ответил Вишневский.

– Долг платежом красен! Приглашаю тебя сейчас в ресторан! Отказы не принимаются. Тебя и себя у начальства я отпросил. Ресторан «Кубань», через полчаса.

Через сорок минут Олег и Артур сидели в полупустом зале ресторана, ели шашлык из осетрины, запивая его трех-

звездочным грузинским коньяком.

– Послушай, старый, – начал Артур – Ты это зачем в Геленджик зачастил, вчера зачем со Смирновым встречался?

– А что, нельзя? – чуть не подавился, не ожидая подобного вопроса Олег. – Я же тебя не спрашиваю про твою наркоманку-нимфоманку.

– А ты спроси! И я тебе отвечу – все супер, представить не можешь, насколько! Только это никого не волнует, а вот твои встречи со Смирновым заинтересовали начальство, – Крутин смачно выпил рюмку коньяка.

– Ну и что. Он человек заслуженный, но забытый, рассказывает мне про свое прошлое, а мне интересно, – с трудом взяв себя в руки, начал врать Вишневский.

– Ты про кружок любителей истории будешь в другом месте заливать. Какие там ваши дела, мне тоже неважно, – и без того страшные глаза Крутина стали еще страшнее. – В общем, наверху приняли решение Смирнова ликвидировать – уж очень много и обо всем он знает, и, так как ты с ним сейчас в хорошем контакте, поручено это сделать тебе.

– Как так мне, а если я не стану это делать? Я не хочу, – у Вишневского от неожиданности и коньяка закружилась голова.

– Станешь, это приказ. Тебя завтра вызовут и прикажут. А могут и не вызывать, если сейчас все обговорим, – Крутин вдруг стал очень серьезным.

– Что мне его, расстрелять прикажешь или зарезать, кста-

ти, он очень непростой человек, сам кого хочешь... – здесь Вишневский остановился, представив, как он будет ликвидировать Смирнова и что из этого может выйти.

– В том-то все дело. Ты сейчас к нему ближе всех из наших. Я тебе дам таблетку, она мгновенно растворяется в любой жидкости, ее действие следующее: через десять минут человек умирает мгновенно от остановки сердца. Врачи, которые приедут к труп Смирнова, будут в курсе и никакого вскрытия делать не будут, в документах так и будет написано – остановка сердца. Ты сам вызовешь «скорую» по домашнему телефону Смирнова и дождешься врачей – так надо, – подробно объяснил Крутин, передавая Вишневскому небольшой пузырек из темного стекла с таблеткой.

– Все мне ясно! Можно это сделать после 14 июня? Дмитрий Петрович обещал мне в понедельник показать отличные места для морской рыбалки, – выпивая коньяк, спросил Олег.

Вишневскому почему-то вдруг стало жалко Смирнова и стало жутко за себя и за Крутина – сидеть в ресторане и так запросто обсуждать убийство пусть и не очень хорошего человека... Все мысли Олега отразились на его лице, и Крутин это заметил.

– Можно! – неожиданно односложно и не задавая лишних вопросов ответил Артур. – Да, и еще. От того, что не станет Смирнова, планета будет лучше – он палач, садист и негодяй, каких мало. Ближе к сердцу не принимай – работа у

нас такая.

Глава 4. 14 июня

Раннее утро. В уютном внутреннем дворе старинного административного здания, в котором располагаются городской комитет КПСС и исполком Совета народных депутатов города-курорта Геленджика, под парами стоит белая «Волга» с водителем, готовая отправиться в любую минуту в любом направлении. С моря дует приятный утренний бриз, пахнет водорослями и какими-то только распустившимися цветами, на небе ни одного облака, встает южное солнце.

Быстрым, уверенным шагом к машине подошел грузный человек в бежевом костюме и красивом, подобранном в тон костюма галстуке. Быстрым движением открыв заднюю дверь, привычно расположился на заднем сиденье.

– Доброе утро, Витя. В Краснодар в крайком! К одиннадцати надо быть, Медунов вызывает! – командным тоном сказал человек в бежевом.

– Будем, Николай Федорович! – нажимая на педаль газа, ответил опытный горкомовской водитель Виктор. – Отдыхайте, Николай Федорович, путь не близкий.

Машина уже выехала из двора горкома.

– Эх, Витя, куда там! – с какой-то даже надеждой на сочувствие произнес пассажир на заднем сиденье.

Пассажиром на заднем сиденье белой «Волги» был не кто иной, как первый секретарь Геленджикского горкома КПСС

Николай Федорович Погодин.

Высокую должность главы Геленджика Николаю Погодину доверили в 1974 году. Уроженец Краснодарского края, фронтовик, прошедший всю войну, примерный семьянин, отличник партийной школы с опытом руководящей работы был отличной кандидатурой на пост первого секретаря Геленджикского горкома КПСС. К тому же с 1967 года он занимал должность председателя исполкома Геленджика.

Сразу после назначения Погодин активно взялся за работу, под его руководством курорт расцвел. В перечень достижений Погодина входят строительство объездной дороги к городу, обустройство новых пляжей, благоустройство дендропарка и парка в честь 40-летия Победы. Погодин также выбил у партийного руководства деньги на строительство Дворца культуры, кинотеатра, бассейна и нескольких новых санаториев, некоторые из которых успешно работают.

Попасть к нему в кабинет можно было любому жителю курорта, всех он внимательно выслушивал и старался помочь. В партийных кругах Погодин тоже был на хорошем счету, и не только благодаря высоким показателям работы. Он был настоящим хозяином города, который умел радушно принять гостей, в том числе – представителей краевого начальства или начальства из Москвы.

И вот он направлялся на долгожданную личную встречу с Сергеем Медуновым, его непосредственным начальником. Добивался Погодин этого события две недели, почти с той

самой минуты, когда арестовали Железную Беллу. Медунов аудиенцию постоянно откладывал и переносил, а вчера позвонил сам лично и предложил поехать к одиннадцати часам в крайком, он был спокоен и деловит.

Дорога из Геленджика в Краснодар даже с опытным Виктором занимала без малого три часа. Сколько раз Погодин проезжал по этой дороге на партийные конференции, собрания партийно-хозяйственного актива, встречи делегаций, да и на поздравление с различными праздниками краевого начальства. В крайкоме ругали его редко, а хвалили часто, поэтому ему нравилось ездить в Краснодар и возвращаться в хорошем настроении с какого-нибудь очередного мероприятия или банкета.

Глядя из окна машины на знакомые гористые пейзажи, Николай Федорович вдруг четко почувствовал, что все в прошлом и что дни, а может быть, и часы его пребывания в кресле хозяина Геленджика сочтены. И от этого становилось горько, сколько сил, энергии, здоровья вложено в этот город. Честно, очень не хотелось уходить с должности, на которой он был еще нужен и полезен, да и она приносила ему немало как морального, так и материального удовлетворения. А еще не хотелось оказаться под следствием со всеми вытекающими последствиями. «Эх, Белла, Белла, жизнь сломала себе и мне», – мысли Погодина становились с приближением к Краснодару все тяжелее.

Оказавшись за десять минут до назначенного времени у

подъезда крайкома, Погодин, чтобы хоть как-то отвлечься от терзающих его мыслей, обратился к Виктору:

– Меня не будет примерно час. Сходи где-нибудь позавтракай, не завтракал, наверное?

– Есть такое! – весело ответил профессиональный Виктор.

В одиннадцать дня Погодин бледный, как лист писчей бумаги, стоял в приемной Медунова.

– Здравствуйте, Николай Федорович, Сергей Федорович вас ожидает, – поприветствовала Погодина миловидная секретарша.

Референт Евгений молча встал из-за своего стола и открыл действительно тяжелую дубовую дверь медуновского кабинета.

– Николай, здравствуй! – Медунов вышел навстречу Погодину, протягивая ему руку.

– Здравствуйте, Сергей Федорович, – поздоровался немного опешивший от подобного радушного приема Погодин.

– Николай, – начал Медунов, – Шахиня уже две недели молчит в СИЗО, и, как сам понимаешь, долго ее молчание продолжаться не может. Первым, кого она начнет сдавать следствию, будешь ты. Надеюсь, это тебе тоже понятно. Вполне вероятно, завтра-послезавтра в Геленджик высадится большой десант следователей из союзной прокуратуры, и это при том, что Шахиня пока молчит, а когда заговорит?

На Погодина после слов Медунова стало страшно смотреть: он стал уже просто неестественно бледный, у него затряслись руки. В его голове была одна лишь мысль – это все не на самом деле, это сон.

– Николай, – продолжил Медунов – Я связался с некоторыми влиятельными людьми, они, если даже Бородкина и заговорит, помогут тебе избежать уголовного преследования. Естественно, тебе потом нужно будет уехать с семьей куда-нибудь – да хоть в Москву, хоть в Ленинград, да хоть куда!

– Спасибо, спасибо, Сергей Федорович! – с большим трудом, почти безнадежно произнес Погодин, не ожидая подобного от шефа.

– Все надо делать очень быстро! Сегодня в половине восьмого вечера мы встретимся с этими людьми в Новороссийске на даче Юры Журкина. Лучшего места трудно найти. Никто ничего не увидит, а кто и увидит – не заподозрит ничего. Выездное совещание первых секретарей горкомов, – обстоятельно излагал Медунов.

– Сегодня вечером в Новороссийске? Все так быстро. Все неожиданно! – Погодин пребывал почти в обморочном состоянии.

– Да, сегодня и именно там. Другого шанса у нас просто не будет! Слушай внимательно и запоминай: ровно в шесть вечера у пирса, что напротив твоего горкома, тебя будет ждать катер. Там будут мои люди, два человека, их задача – в цело-

сти и сохранности доставить тебя до Новороссийска, а после вернуть обратно в Геленджик. Когда и кому тебе сдавать дела, я тебе сообщу в Новороссийске, – подытожил Медунов.

– Сергей Федорович, наверное, я буду должен этим людям. Такие дела не делаются бесплатно, – с трудом начал приходить в себя Погодин.

– Разумеется, Николай, конечно, правильно все ты понял. В шесть часов вечера у тебя в руках должен быть портфель, а в нем пятьдесят тысяч, – почти с иронией, как будто речь шла о коробке конфет, а не о сумме, на которую можно было купить пять машин, сказал Медунов.

– Сергей Федорович, это очень большая сумма – боюсь, не найду до вечера.

У Погодина при всех его неоспоримых достоинствах грамотного и чуткого руководителя, умелого, крепкого хозяйственника, да и просто неплохого человека был один серьезный недостаток – жадность. Он был чрезвычайно жаден, как говорят в народе, до денег, конечно же, у него были деньги, и не пятьдесят тысяч, а значительно больше, и лежали они не в сберегательной кассе, а дома, на даче, в рабочем кабинете, но одна лишь мысль о том, что ему придется просто взять и отдать пятьдесят тысяч, могла свести его с ума.

– Найдешь, вон у Берты под миллион нашли. У тебя, наверное, не меньше, зачем так воровать нужно было, совсем совесть и стыд потеряли. Золото и деньги в трехлитровых банках в землю закапывала – это как? Зачем? Жадные вы до

денег и золота, а я разгребай! – у Медунова сменился тон. – За жизнь и свободу деньги в твоём положении жалеть, мне кажется, не стоит, жизнь одна. Не жадничай хотя бы сейчас!

– Сергей Федорович, так не только за свою жизнь и свободу, – лукаво посмотрел на шефа понявший, что терять уже нечего, Погодин.

– Ты на что это намекаешь!!! – начал багроветь от ярости Медунов. Но вовремя взял себя в руки и успокоился. – Сейчас, Коля, я тебя познакомлю с человеком, который будет тебя сегодня сопровождать.

Медунов нажал кнопку аппарата связи с приемной:

– Пусть зайдет Олег.

Почти мгновенно дверь открылась, в кабинет вошел Олег Вишневский, на нем был серый костюм, белая сорочка и модный черный галстук. Всем своим видом и выправкой он показался Погодину достаточно серьезным человеком из очень весомой организации.

– Здравствуйте, Сергей Федорович! Здравствуйте, – кивнул в сторону Погодина Вишневский.

– Олег, это Николай Федорович Погодин – первый секретарь Геленджикского горкома партии. Тебе предстоит сегодня его сопровождать в Новороссийск по морю. Катер должен стоять у пирса Геленджика не позже, чем в шесть часов вечера, – одновременно представляя Олегу Погодина, давал ему же поручение Медунов.

– Есть! – ответил Олег, пожимая потную и вялую руку

Погодину.

– Николай Федорович, вам все понятно, больше вас не задерживаю, до вечера! – попрощался с Погодиным Медунов. – Да, и еще – Николай Федорович, о сегодняшней поездке знать никто не должен, слышите – никто. Вам это, надеюсь, понятно?

– Безусловно! Я все, все понимаю! До вечера, Сергей Федорович! До вечера, Олег! – снова став сильно бледным, попрощался Погодин и вышел из кабинета, в котором остались Медунов и Вишневский.

– Олег, все готово? Человек не подведет? – спросил почти шепотом Медунов.

– Все, Сергей Федорович! Этот человек надежен, как двери вашего кабинета, – спокойно ответил Олег.

– Я тебя понял! – улыбнулся Медунов. – Ваша зарплата сегодня в шесть вечера будет в руках Погодина. Уловил?

– Все принято! Еду в Геленджик! До связи, Сергей Федорович! – с заметным азартным настроением попрощался с Медуновым Вишневский и вышел из кабинета.

Бледный вид Погодина увидели все, с кем он встретился в коридорах крайкома, пока шел к своей машине. На часах ровно полдень. Белая «Волга» с довольным поздним завтраком Виктором стояла у подъезда крайкома.

– Виктор, сначала домой, потом в горком, – из последних сил скомандовал Погодин.

– Все понял! У вас усталый вид, Николай Федорович.

Нужно отдыхать, – поняв, что шеф пережил не самые приятные минуты в жизни, стараясь поддержать, сказал Виктор.

– Витя – торопимся не спеша! А я, пожалуй, немного посплю, – закрывал глаза Погодин.

По дороге от сильных переживаний Погодин крепко уснул, и ему приснился очень необычный сон: при большом скоплении народа рядом с только что построенным кинотеатром «Буревестник» в Геленджике ему открывают памятник, среди людей он отчетливо видел лица Медунова и Бородкиной – эти два лица, мелькая, составляли толпу. «Вот так сон, к чему бы», – подумал Погодин, проснувшись при въезде в Геленджик.

«Волга» остановилась точно у подъезда дома, где жил с семьей Погодин.

– Витя, жди! – входя в привычный образ большого начальника, сказал Погодин. Он быстро вышел из машины и почти бегом залетел в подъезд. Поднявшись на свой этаж, позвонил в дверной звонок. Никто не открыл.

– Очень хорошо, – подумал Николай Федорович, открывая своим ключом квартиру. Не разуваясь, он прошел в комнату, которая была приспособлена под домашний кабинет. На кресле лежал кожаный портфель – все, что в нем было, Погодин быстро высыпал в ящик письменного стола. Затем он подошел к книжному шкафу, открыл створку с фальшивыми корешками книг классиков марксизма, за створкой прятался небольшой сейф, открыв его, Погодин начал пере-

кладывать содержимое в портфель. В сейфе домашнего кабинета было ни много ни мало тридцать тысяч рублей купюрами разного достоинства в плотных банковских пачках, что называется, на черный день, который, кажется, неумолимо настаивал.

Так же стремительно Погодин с портфелем в руках покинул свою квартиру, быстро сел в «Волгу» и направился в горком.

– Витя, сегодня отдыхай! Покатались и хватит! – когда машина подъезжала, великодушно разрешил Виктору Николай Федорович.

Закрывшись изнутри в рабочем кабинете первого секретаря горкома, Погодин открыл дверь тяжелого насыпного сейфа, начал отсчитывать лежащие в нем пачки денег. Руки у него предательски начали дрожать, и лоб покрылся испариной. Однако двадцать тысяч скоро были положены в портфель. На часах в кабинете было без пяти шесть. В приемной уже никого не было. Погодин закрыл на ключ свой кабинет, спустился на первый этаж попрощался с дежурным по горкому, что делал очень редко...

Пока первый секретарь считал и складывал деньги, Смирнов в строго условленное время пришвартовался на катере к пирсу. Вскоре на пирс пришел Вишневский.

И ровно в шесть часов вечера, выйдя из здания горкома, неспешным шагом в сторону пирса к пришвартованному к нему катеру Смирнова направился снова сильно побледнев-

ший Погодин.

– Товарищ полковник. Кажется, идет! – оповестил Смирнова Олег, увидевший тучного мужчину в бежевом костюме с кожаным и явно тяжелым портфелем в руках. – Пойду встречать!

– Давай! – сухо ответил Петрович.

У самого начала пирса Вишневский окликнул остановившегося на секунду Погодина:

– Николай Федорович, сюда! – махал Погодину рукой Олег.

– О! Добрый вечер, Олег! – откликнулся Погодин.

– Нам сюда, Николай Федорович! – указывая на катер Смирнова, сказал Вишневский.

– Да, шеф говорил, что в Новороссийск меня доставят на катере, и вы вовремя. Люблю пунктуальных людей. Вас я знаю, а кто за штурвалом, надежный товарищ? – неуклюже спустился на катер Погодин.

– Это не просто товарищ, а товарищ полковник. Надеюсь, все при вас? – с улыбкой сказал Олег, ловко оказавшись на катере.

– Я все понял! О чем договаривались с шефом, все со мной, – испытывая некоторый дискомфорт от подобного вопроса, но в то же время спокойно ответил Погодин.

– Ну и отлично. Трогай, товарищ полковник! – скомандовал Вишневский. Ему очень нравилось называть Смирнова «товарищ полковник».

Первая часть плана полковника Смирнова блестяще реализована. Ничего не подозревающий Погодин находится на катере. И, самое главное, Смирнова, Вишневого и Погодина видят десятки, а то и сотни гуляющих в этот момент по набережной Геленджика, но им и в голову не может прийти, какая драма разыгрывается на их глазах. Все выглядит, как будто старые друзья собрались на давно запланированную морскую прогулку. Гениально!

Дмитрий Петрович завел мотор катера, и через несколько секунд все трое неслись на большой скорости через Геленджикскую бухту в направлении Новороссийска. Только катер оказался в приличном отдалении от берегов, следуя на той же скорости, Олег сказал:

– Товарищ полковник, дай порулить! Всю жизнь мечтал.

– Попробуй! Дело нехитрое. Делай что я делал, – сбавляя ход и передавая штурвал, сказал Смирнов.

– Что такое? В чем дело? Так хорошо шли? А вдруг не успеем? Что придумал? – заволновался пока еще ничего не подозревающий Погодин.

– Николай Федорович, успеем, все успеем! Вы бы портфель отложили – тяжелый, наверное, – отвернувшись от Погодина и Вишневого, надевая на руку кастет и обматывая его полотенцем, произнес Смирнов.

– Нет, нет. Своя ноша, как говорится, не тянет! – с улыбкой ответил обреченный Погодин.

После этих слов Смирнов чудовищно резко обрушил

сверху вниз всю мощь своей натренированной правой руки, в разы усиленную свинцовым кастетом, на голову Погодина. Крупное тело в бежевом костюме, не издавая ни единого звука, мгновенно обмякло.

– Рулевой, за дело! Остановливай! – приказал Олегу Смирнов.

– Вот это удар! – пребывая в некотором шоке от увиденного, подчинился Вишневский. Он не видел подобного никогда и нигде, а видел он немало!

Катер остановился. Смирнов быстро достал из-под сиденья пудовую гирию, толстую цепь и два болта с гайками, смазанные для быстрого закручивания тосолом или солидолом.

– А ну, помогай! Оберни конец цепи вокруг его ноги и закрути болтом! – опять очень по-деловому скомандовал Смирнов. Сам сделал то же самое, но прежде протянул цепь через ручку гири. Затем Смирнов и Вишневский с большим трудом перевалили тело Погодина через борт катера вместе с гирей, прикрученной к ногам. Труп мгновенно скрылся в морской пучине. На все про все у соучастников ушло меньше минуты.

Вот реализована вторая часть плана. Погодин с пудовой гирей на ногах покоится на глубине метров сто пятьдесят примерно километрах в девяти от ближайшего берега, и, главное, никто ничего не видел и не слышал.

– Олег, а в его портфеле что? – впервые назвав по имени Вишневского, спросил Смирнов.

– Товарищ полковник, там должна быть наша зарплата, – открывая портфель, все еще пребывая в шоковом состоянии, ответил Вишневский. Портфель был набит пачками советских рублей разного достоинства.

– Едем ко мне, там все посчитаем и поделим и отметим. У меня есть водка, и кое-что я из ресторана сегодня утром привез, да и еще икра твоя осталась. А еще поможешь мне катер в сарай загнать, – Петрович по-человечески, почти по-доброму предложил Вишневскому.

– Дмитрий Петрович, прекрасная мысль, отказаться просто невозможно! Вперед, на Тонкий мыс! Катер загоним со свистом! – неестественно веселился Олег.

Смирнов завернул кастет в полотенце и выбросил за борт. Встал к штурвалу и еще около получаса на большой скорости рассекал Черное море, затем направил катер напрямик к своему дому. Не доезжая метров пятьдесят до берега, Смирнов спросил Олега:

– Запомнил, как управлять? Сейчас правь вон к тому сараю, – и показал рукой на металлический сарай, возвышавшийся над морской водой. Не дождавшись ответа Вишневского, он, не раздеваясь, прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу.

Олег дождался, пока Петрович откроет ворота сарая, на тихом ходу аккуратно загнал катер в лодочный сарай. Петрович ловко привязал катер и не менее ловко закрыл ворота. Мокрый Петрович и Олег с портфелем в руках направились

в дом.

Смирнов быстро переоделся, достал из серванта и поставил на стол в гостиной хрустальные рюмки, достал и поставил туда же из холодильника бутылку водки, несколько тарелок с нарезанной колбасой, сыром, овощами и салатами. Острейшим ножом нарезал белый хлеб и вынул начатую банку черной икры. Олег, пока хозяин готовился к праздничному пиру, сидел неподвижно на диване, уставившись в одну точку, портфель с деньгами лежал рядом с ним.

– Олег, к столу! – скомандовал Смирнов.

– Есть! Товарищ полковник! – быстро вставая с дивана, сказал Олег.

– Как думаешь, сколько там? – спросил Смирнов, наливая водку в рюмки, и показал горлышком бутылки на портфель.

– Там пятьдесят тысяч, я точно знаю, – намазывая себе бутерброд, ответил Вишневский.

– Как будем делить? – тоже намазывая бутерброд, серьезным тоном спросил Петрович.

– Товарищ полковник, не на базаре – ты все спланировал, подготовил и сделал. Тридцать тысяч, я думаю, твои. А я еще заработаю! Какие мои годы! – начал пускать пыль в глаза хитрый Олег.

– Не ожидал от тебя! Щедро! Спасибо! Ну давай выпьем, что ли, за успех и удачу! – Смирнов опять по-человечески заулыбался.

– Товарищ полковник, – выпив рюмку водки, заговорил

Вишневский. – Я сейчас увидел в море то, что не видел никогда и нигде в жизни, ты, не моргнув глазом, убил за деньги, пусть и не малые, но совершенно незнакомого для тебя человека, который к тому же тебе ничего плохого не сделал. Ты действительно профессиональный убийца, палач! Тебя надо судить всеми судами! Тебе самому не страшно? Как ты живешь и жить будешь с этим? Как спишь? Не понимаю...

Олег также не понимал, зачем сейчас он такие вещи говорит Смирнову. Зачем он его провоцирует. Но Олегу почему-то очень хотелось это сказать, дело в том, что за все время общения со Смирновым ему было чудовищно некомфортно из-за невероятной смеси чувств к этому человеку: страха и уважения, одновременно жалости и пренебрежения. А сейчас дискомфорт стал проходить, наставало время поставить точку в жизни Петровича. Вишневский вспомнил слова Крутина: мир без Смирнова будет только лучше. Олегу вдруг невыносимо захотелось скорее все закончить, но не просто так...

– Ты чего несешь, щегол! Забирай свою часть денег и проваливай, и чтоб я тебя больше не видел. Ты и малой части не знаешь про меня и про мою жизнь, и не тебе меня судить, – моментально поняв, что Вишневский что-то затеял, рассви-репел Петрович.

– Ладно, ладно, в конце концов, ты прав – не мне тебя судить, пусть совесть твоя тебя посудит. У тебя есть сумка, деньги куда положить? Дай, если есть, – попросил Вишнев-

ский.

– Про совесть вспомнил – подлец! Сейчас принесу сумку, и чтоб духу твоего через минуту не было, – Петрович ушел в другую комнату искать сумку.

В этот момент Вишневский ловко налил полные рюмки водки себе и Смирнову, в которой растворил таблетку Крутина, таблетка на удивление растворилась мгновенно и без следа. Дмитрий Петрович вышел из комнаты со старой матерчатой хозяйственной сумкой.

– На! Дарю на память! И проваливай... – бросив сумку Олегу, очень грубо сказал Смирнов.

– Товарищ полковник, ну зачем грубить и ругаться, давай лучше выпьем, тем более я уже все налил. И ты больше меня никогда не увидишь, – миротворчески заговорил Вишневский.

– Ну давай! Раз так. А за что? – успокаиваясь, спросил Дмитрий Петрович.

– За всех, кого ты убил! – игриво предложил Вишневский.

– Тогда не чокайся! – выпивая яд, но не осознавая этого, сказал Смирнов.

– Ну вот и все! – сказал, выпив следом, Олег.

– Что все? Щегол, ты еще здесь? – Петрович вновь расшвырялся.

– А то! Товарищ полковник! Только что ты выпил суперсовременный яд. Ты уже труп. А перед твоей смертью я скажу тебе: то, что мы сегодня сделали, ты думаешь, стране нуж-

но, Родине? Как бы не так, Погодина нам не контора наша заказала, а Медунов Сергей Федорович, знаешь такого? Я «топтуном» у него служу. Нужно было, чтобы Погодин на следствии не раскололся, его завтра арестовывать должны были, вот Медунов меня и нанял его убраться. А потом меня к тебе подослали с одной целью – замочить, как собаку усыпить. А я и подумал: грех не воспользоваться тобой и опытом твоим, а заодно и бабок медуновско-погодинских срубить и в контору за благодарностью приехать. Как видишь, все получилось!

– Если все так, как сказал, – спасибо! Избавил от мучений, духу не хватало самому... Сил нет больше... Мне все поделом! А ты хитрый и наглый, как я в молодости, только выучен лучше, аккуратно работаешь. Я знал, что ты нечестен со мной, я это сразу почувствовал, – Смирнов говорил тихо и спокойно.

– Господи! Неужели тебе умирать не страшно? – вдруг спросил Вишневский, ему стало невыносимо жутко от происходящего, руки и ноги неожиданно затряслись.

Смирнов встал из-за стола, сделал несколько шагов. Повернулся в сторону Олега, хотел что-то ответить, но резко потерял сознание и упал на ковер в центре гостиной.

Увидев, как упал Петрович, Вишневский немедленно взял его рюмку со стола, тщательно промыл ее в раковине на кухне, аккуратно обжал ее уже неживой рукой Смирнова, поставил обратно на стол и налил в нее наполовину водки.

Потом подбежал к телефонному аппарату и набрал «03»:

– Алло! Набережная, 20, Тонкий мыс, человеку плохо, упал, потерял сознание, – торопливо сообщил Олег.

– Бригада выехала, ожидайте, – дежурно ответили на том конце провода.

Взгляд Олега невольно остановился на бездвижном теле Петровича, мелкая непобедимая дрожь била Вишневого изнутри:

«Я ничем не отличаюсь от Смирнова, я такой же убийца, как и он, только, как он правильно сказал, выучен лучше, и как теперь с этим жить? А так и жить, он жил, и у меня получится, надо становиться более хладнокровным, надо становиться роботом, машиной, иначе конец. Артур тоже прав, что работа у нас такая, но его нет здесь, это он должен быть на моем месте, но он на своем месте и там тоже творит: мало никому не покажется!» – с этими мыслями Олег налил еще водки и выпил.

Машина скорой помощи прибыла минут через десять. Вишневецкий ждал ее на улице. Двое врачей зашли в дом, Смирнов лежал посередине комнаты на спине без признаков жизни. Пока один врач производил осмотр, другой спросил Вишневецкого:

– Кто вы ему будете и как все случилось?

– Я его приятель, зовут меня Олег Вишневецкий, я из Краснодара, в Геленджике по делам, зашел проведать старика, сели, немного выпили, он сказал, что надо хлеба еще нарезать,

встал и неожиданно резко упал. Я немедленно вызвал вас, – почти правдиво рассказал Олег.

– Все, он труп. Остановка сердца. В его возрасте такое бывает. Зови участкового, – распорядился второй врач.

– Соболезнуем. Сейчас вызовем участкового, зафиксируем смерть. И мы увезем труп, а участковый потом опечатает дом, – пояснил Вишневному разговаривавший с ним до этого врач.

– Я могу идти? Родственникам можно сообщить? – спросил Олег.

– Конечно, можете идти, и быстрее, чтобы не было к вам лишних вопросов, родственникам обязательно сообщите! – ответили почти в один голос врачи.

– До свиданья! – Олег взял портфель Погодина и вышел из дома.

Олег почти в обморочном состоянии с тяжелым портфелем в руках прошел пешком практически весь город, было темно и неудобно, с моря дул прохладный и сильный ветер. Недалеко от дома, где находилась явочная квартира, Олег еще в первый день приезда заметил таксофон и тогда же проверил его работоспособность. А сейчас он дрожащими от холода и волнения руками набрал на его диске только ему известный номер:

– Алло. Слушаю, – в трубке был слышен сонный голос Медунова.

– Дело сделано, – устало сообщил Вишне夫斯基.

– Принял! – положил трубку Медунов.

Вишневский несколько минут держал в руках трубку таксофона, в голове, как метроном, односложно звучало и думалось с сильной обидой:

«Принял! Принял! Принял! Больше ни слова и ни звука. Я людей убил ради него, а он... Даже спасибо не сказал. Я был и есть для него пустое место! А как он придумал с деньгами... Как все мерзко...»

Олег поднялся в квартиру, лег на казенную кровать прямо в одежде и мгновенно заснул. Проспал он до одиннадцати дня вторника. Стояло прекрасное утро, удивительно, но значительно улучшилось настроение, в народе не случайно говорят: «Утро вечера мудренее!». «Все хорошо. Дело сделано. Деньги при мне. Погодин и Смирнов получили по заслугам, ни у кого не получится доказать мое участие в их убийствах. А шеф сам пригласит и поблагодарит лично при встрече. А сейчас срочно в Краснодар!» – спешно умываясь, думал Олег.

Заехав на почту, Вишневский дал телеграмму дочерям Смирнова: «Дмитрий Петрович Смирнов вчера скончался. Подробности телефоном» – и дал номер телефона хозяйственного отдела управления КГБ по Краснодарскому краю.

На выезде из залитого солнцем Геленджика с машиной Вишневого поравнялась небольшая колонна из трех «Волг» в сопровождении ГАИ, машины ехали со стороны Краснодара.

– Погодина едут арестовывать. А где он? А нету! – улыбаясь, сам себе сказал Олег.

Действительно, это была большая следственная группа с ордером на арест первого секретаря горкома партии. Но вот только самого первого секретаря на рабочем месте не было, не было его и дома, как, впрочем, его нигде не было!

Через несколько дней обыскали весь город, пляжи, горы, водопады обследовали всю бухту – и все безрезультатно. Опросили всех сотрудников горкома, и по несколько раз, все, кто его видел в понедельник, отмечали лишь его бледный цвет лица, и кроме показаний дежурного, который видел Погодина в последний раз выходящим из горкома в сторону набережной без трех минут шесть 14 июня, – ничего.

В городе были искусно распушены две версии исчезновения Погодина: первая – что он после жесткого разговора с Медуновым, не выдержав душевных переживаний, покончил с собой, вторая – что после все того же разговора с первым секретарем крайкома партии Погодин принял решение бежать за границу и что за большие деньги был спрятан на одном из иностранных кораблей.

Олег Вишнеvский мчался из Геленджика в сторону Краснодара на своей светло-бежевой «шестерке» по раскаленной от жары дороге, вдоль которой простирались сначала горы, затем засеянные поля, виноградники, фруктовые сады, деревни и хутора. Настроение у него было великолепным, на переднем сиденье стоял пузатый кожаный портфель с пятью-

десятью тысячами, будущее казалось прекрасным. Но Олег и подумать не мог, что покидал Геленджик навсегда и ехал по этой дороге последний раз...

Вместо заключения

Так как скоропостижная смерть Смирнова застала обеих его дочерей, что называется, врасплох, на похороны они не смогли приехать. Смирнова похоронили на кладбище Геленджика силами хозяйственного отдела управления КГБ по Краснодарскому краю. Было несколько дежурных речей и ни одной слезы. Хотя родным Дмитрия Петровича была выслана подробная информация о месте его захоронении, однако никогда и никто из дочерей, зятьев, внуков на могиле так и не побывал. В первый приезд в опустевший дом в середине лета было не до могилы некогда так любившего всех своих родных Петровича. Приехали делить наследство.

Однако дочерям Смирнова не удалось разделить геленджикское наследство отца. Поделили поровну только пять тысяч, лежащих на сберегательной книжке, которую нашли в тумбочке у кровати. Что касается всего остального, долго спорили и ругались. В итоге разругались раз и навсегда и решили приезжать на отдых в отцовский дом с семьями – по отдельности...

В один из таких приездов старшая дочь небрежно сложила в большую сумку парадный китель Петровича с наградами, фуражку, фотоальбомы, несколько папок с документами и

отнесла в лодочный сарай, который затем сгорел. Сгорел в этом сарае тот самый давно гниющий белый катер. Память о полковнике Смирнове не оставила следа...

Берта Бородкина начала сотрудничать со следствием. Следователи объяснили – хищения в таком размере тянут на исключительную меру наказания. Не дождавшись помощи, Берта Бородкина дала показания на более чем два десятка высокопоставленных чиновников. Однако Медунова среди них не было, зато был Николай Погодин, которому было уже все равно – его тело покоилось глубоко в морской пучине. Берте Наумовне признания не помогли. Суд приговорил ее к расстрелу, и в 1983 году Железную Беллу казнили в тюрьме города Новочеркаска, но документальных подтверждений тому нет, из чего можно сделать робкое предположение, что устранение Бородкиной случилось гораздо раньше официальной даты ее расстрела.

Сергея Медунова чуть более чем через месяц после его последнего разговора с Погодиным сняли с поста первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС и перевели на малозначительную должность заместителя министра плодово-овощного хозяйства СССР. Однако позже его вывели из состава ЦК КПСС (с убийственной тогда для номенклатурного работника его уровня формулировкой «За допущенные ошибки в работе») публично, по сути выгнав из зала пленумов ЦК, отомстив таким образом за дружбу с Леонидом Брежневым. Предъявили обвинение в злоупотреблении слу-

жебным положением, которое позже было снято. Медунов прожил потом еще долгую жизнь, пережив всех своих преследователей и завистников, но это была уже другая жизнь и другая страна.

Кстати, до и после своей отставки с должности первого секретаря Медунов больше не разу не встретился, не созвонился и даже не переговорил со своим «спасителем» от тюрьмы и, возможно, от высшей меры – Вишневым. Может быть, не мог, а может быть, не хотел. Но номер спецтелефона после ночного звонка Вишневого из автомата в Геленджике был сразу сменен.

Олега от работы с новым первым секретарем отстранили. Дали курировать гостиницу «Кубань» с одноименным рестораном, в котором была решена судьба Смирнова. Свободного времени стало много, да и денег тоже. Осенью он сильно запил, перестал ходить на работу и отвечать на телефонные звонки.

На душе у Олега было тяжело, и легче не становилось – все-таки не так просто быть причастным к убийствам не сделавших ему лично ничего плохого людей. Тяготила мысль, что он планировал и совершал эти убийства по прихоти сильных мира сего, которым в принципе наплевать на любого, пусть очень преданного и исполнительного подчиненного, и ради своих целей они пойдут на все. Поэтому в конце сентября в одно «прекрасное» утро в состоянии белой горячки он выпал с балкона своей квартиры на десятом этаже

в центре Краснодара. Смерть наступила мгновенно. К этой смерти никто причастен не был, возможно, лишь совесть самого Вишневого, а может быть, и нет.

Первым на место гибели Вишневого прибыл Артур Крутин, который случайно узнал о произошедшем из утренней сводки по городу. Он до приезда следственной группы быстро зашел в квартиру Олега и через некоторое время вынес из нее увесистый кожаный портфель, который положил к себе в машину, и лишь только после этого сообщил начальству о трагедии, случившейся с Вишневым.

Похороны организовал все тот же хозяйственный отдел управления КГБ по Краснодарскому краю. Родителей оповестили, но по причине преклонного возраста на похороны они не приехали. А больше у Вишневого из родных и близких никого не было. Через несколько недель отец Олега получил на почте конверт, в котором лежала сберегательная книжка на предъявителя с суммой десять тысяч рублей.

Через несколько лет Артур Крутин станет одним из влиятельнейших людей юга СССР благодаря накопленным за многие годы работы следователем КГБ опыту, связям и, конечно же, деньгам, обильно политым кровью, лежащим в кожаном портфеле, который он вынес из квартиры Олега. Несмотря на вес, богатство, возможности, его найдут без признаков жизни в спальне своего дома в Туапсе в последний день 1991 года. Причиной смерти станет передозировка наркотиками.

Водитель Виктор продолжил возить на ухоженной белой «Волге» нового первого секретаря горкома КПСС Геленджика, он был профессионалом и хорошим человеком. Референт Евгений еще много лет открывал тяжелые дубовые двери кабинета первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС, а вот каким он был человеком – неизвестно, он почти всегда молчал. Официант Константин еще долго работал в ресторане «Геленджик», или, по-старому, «Маяк», совмещая свою основную деятельность с осведомлением компетентных органов. Пока однажды не получил за это молотком по голове от сильно обиженных на его активную гражданскую позицию жителей города-курорта.

Спустя много лет после описываемых событий Николаю Федоровичу Погодину поставили памятник в Геленджике рядом с кинотеатром «Буревестник» – его сон стал явью. В народной памяти стерлись и растворились сами собой его злоупотребления и укрывательства беспрецедентной коррупции, зато остались воспоминания как о настоящем хозяине города, но так в истории, да и в жизни бывает редко.

Так закончилась драматичная история, которая разыгралась в самом начале лета 1982 года в чудесном курортном городе Геленджик. Трудно представить себе, но факт, что главным ее героем в итоге стал неодушевленный предмет – деньги. Деньги заставляли воровать, скрывать, обманывать и, самое главное, – убивать. Именно они стали основной причиной совершения преступлений по-своему уникальными и та-

лантливými людьми. Злая сущность денег, как видим, не пощадила никого из них. Всегда надо помнить – деньги, добытые нечестным, преступным путем, – это довольно злая вещь, и чем они больше, тем злее.